

Чухрай Павел (млад.)
Григорьев

26.11.03

Павел ЧУХРАИ, кинорежиссер:

Главное для режиссера — здоровье

Известия — 2003 — 26 июля — С. 14.

Шесть лет назад фильм Павла Чухрая «Вор» был включен в пятерку «оскаровских» номинантов в категории «лучший иностранный фильм». С тех пор Чухрай долго не выпускал новых игровых картин, зато делал рекламные ролики для телевидения и снял по заказу Стивена Спилберга документальный фильм «Дети из бездны» о Холокосте. И вот только что он завершил съемки картины «Водитель для Веры». Главную роль сыграл молодой актер Игорь Петренко, ставший знаменитым после «Звезды» и «Кармен». О «Водителе для Веры» и о том, как живет «оскаровский» номинант сегодня, с Павлом ЧУХРАЕМ побеседовала корреспондент «Известий» Анна ФЕДИНА.

— Говорят, что «Водитель для Веры» — продолжение «Вора»?

— Нет, хотя легко себе представить, что герой Игоря Петренко — это повзрослевший персонаж Миши Филиппчука. Про обоих можно сказать, что они отражают национальный российский характер. Мне хотелось также, чтобы в них просматривались типичные черты, которые я видел в некоторых своих сверстниках.

— Какие же это черты?

— Герой фильма вырос в детском доме, поэтому проблемы интеллигенции его не затронули. Мы — имеем в виду интеллигенцию — относились критически ко всему, что происходило в стране; герой фильма об этих проблемах не задумывается. Он попросту не знает об очень многих вещах. Например, если бы мне предложили стучать на своих начальников, я бы ни за что не стал этого делать, а персонаж Игоря Петренко соглашается с легкостью. Но это не значит, что он аморален — он чистый лист бумаги. Драмы, которые он будет переживать впоследствии, связаны именно с тем, что он не готов к подобным ситуациям. Изначально наш герой добрый, отзывчивый — эти его качества и возьмут потом верх.

— Он совсем не похож на вас?

— Нет,нисколько. Но понять мне его нетрудно, ведь переживания у всех людей похожи. Ты обиделся, тебя предали или ты предал, ты радуешься, влюбился. Поэтому можно рассказывать людям истории про других и про них самих, и эти истории людей волнуют. Вообще бессмысленно снимать фильмы про тех, кого не пытаешься понять. Если мне предлагают сделать картину о Геббельсе, я откажусь. Но если бы все-таки я взялся за такую картину, то попробовал бы... не то чтобы понять его — я никогда не пойму, как можно уничтожать людей, — но найти причину: что же такого ужасного произошло в детстве Геббельса (или Гитлера, или Сталина), что его так озлобило, почему он возненавидел человечество.

— Как вы во время работы определяли для себя сверхзадачу «Водителя для Веры»?

— «Вор» для меня — в некотором роде притча: в рассказ о молодой женщине, ее маленьком сыне и мужчине, за которого цепляется этот мальчик, потому что ему больше не за кого держаться, кроме прочего, я вкладывал мысль о России, тирани и обществе. Снимая «Водителя для Веры», я не ставил перед собой притчевых задач. Это любовная история, разворачивающаяся в 60-е годы, которые я воспринимаю двояко: с одной стороны, тогда было много драматичного, жестокого, что не выходило на поверхность, потому что гласности не было. С другой стороны, в 60-е годы возникло ощущение чего-то светлого — надежды на будущее. Мне хотелось столкнуть эти два пласта.

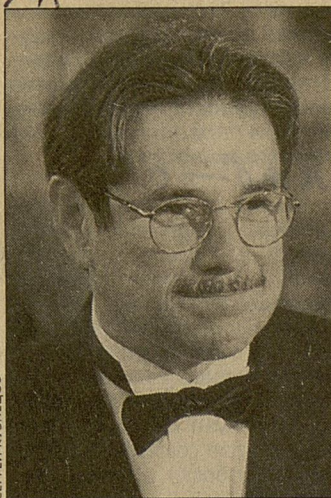
— Что вы ощутили, узнав о номинации «Вора» на «Оскар»?

— Я отношусь к себе достаточно критично, никогда не увлекался погоней за славой, а потому не испытывал опьянения от успеха. «Оскар» «Оскаром», но и до этого я не был обделен ни международными, ни национальными наградами (Павел Чухрай снял такие фильмы, как «Ты иногда вспоминай», «Зина-Зинуля», «Клетка для канареек». — «Известия»). Всякий здравомыслящий режиссер должен относиться к успеху как к лотерее, игре. У Тарковского не было «Оскаров», но он от этого не перестал быть Тарковским. А есть картины, которые, наоборот, получают награды незаслуженно. В оценках искусства трудно ждать абсолютной объективности, если ее нет даже в суде.

— Тем не менее ваша профессиональная жизнь после этой номинации наверняка изменилась.

— Не сказал бы. Наверное, я стал более известен. Мое имя обозначилось на карте кинематографического мира. Появились какие-то предложения, сценарии... Как ни странно, легче мне стало не в России, а за границей. Здесь не изменилось ничего.

— То есть ни с властью, ни со спонсорами общаться легче не стало?

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ

— С властью я не поддерживаю отношений вообще, а со спонсорами... Нет, отношения не изменились. Я целиком уповаю на продюсеров. Слава богу, что они достают какие-то средства через Госкино, не очень большие, но поддерживающие. Но лично я за последние лет десять ни разу в Госкино не ходил и денег для себя не просил: ужасно не люблю этого делать.

— В перерывах между картинами вы стали снимать рекламу...

— Прежде всего это для меня был заработок. Реклама позволяет не идти на компромиссы (не снимать фильмы, какие не хочется) ради того, чтобы кормить семью. Кроме того, оказалось, что реклама дает мне новый взгляд на свою профессию. Она требует лаконизма, пластической выразительности. Интереснее других банковская реклама: она не связана с продуктом и дает больше возможности пофантазировать. Правда, в то время, когда я занимался рекламой активно, банки иногда лопались быстрее, чем выходил ролик.

— Как получилось, что вы сняли фильм о Холокосте «Дети из бездны»?

— Меня всегда волновала проблема, когда один народ уничтожает другой, исходя из каких-то идеологических соображений, интересов... В нашей многонациональной стране этот вопрос тоже всегда был болезненным. Проект «Дети из бездны» организовал Стивен Спилберг, поэтому, когда мне предложили снять один из фильмов этого проекта (всего делалось четыре картины в разных странах), я согласился не только потому, что мне интересна сама тема, но и потому, что предложение оказалось очень лестным. Фильм очень прост по форме: это хроника и интервью случайно выживших евреев. Это

чудом уцелевшие дети войны. Их воспоминания, их рассказы и легли в основу фильма. Проект (четыре фильма) был показан в большинстве стран мира, он демонстрируется в американских школах...

— Почему героями ваших фильмов часто становятся воры, жулики, игроки?

— Обратите внимание на сюжеты классической литературы: у того же Достоевского в каждом сочинении есть элемент детектива. Когда культурные люди рассматривают произведение искусства, сюжет не имеет для них первостепенного значения, главное — что хотел сказать автор. От того, что я назидательно прилею к фильму счастливый конец и мои герои исправятся, ни я сам, ни зрители моральнее не станем. Есть масса пошлейших историй, в которых все заканчивается замечательно, но они от этого оптимистичнее не становятся, потому что за ними видишь выдуманность или циничных, неискренних авторов. Я не считаю, сколько воров в моих фильмах и много ли там стреляют. В конце концов, если моими героями становятся воры, то это отражает нашу жизнь. Мы же не в Швеции или Голландии живем, где в тюрьмы некого сажать.

— Сначала вы закончили операторское отделение ВГИКа и только потом режиссерское. Сомневались в выборе творческой профессии?

— Я жил в киношной семье (отец Павла Чухрая — режиссер Григорий Чухрай, снявший фильмы «Баллада о солдате» и «Сорок первый». — «Известия») и довольно быстро понял, что буду работать в этой сфере. Но, серьезно относясь к профессии режиссера, я сознавал, что со школьной скамьи становиться режиссером нельзя. Режиссер — это человек, который что-то в этой жизни уже успел осмыслить. Поэтому мне казалось, что сначала нужно посмотреть на эту профессию со стороны: я работал и осветителем, и ассистентом оператора, и звуковиком. Потом поступил на операторский, потому что это изобразительная сторона кино — она была мне понятнее. Я решил, что если наступит время, перейду на режиссуру, если нет — буду заниматься в кино чем-то близким, но менее ответственным. Потому что режиссура — самая трудная и изматывающая профессия в кинематографе. Когда, будучи молодым, я слышал, как Ромм или Герасимов говорили, что для режиссера главное — физическое здоровье, я думал, что это кокетство. Теперь понимаю: так и есть.